

ГОРБАЧЕВ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ КАК ЛУЧШЕ

АНДРЕЙ ГРАЧЕВ

Лучшие политические биографии

Андрей Грачёв

**Горбачев. Человек,
который хотел как лучше**

«ЭКСМО»

2023

УДК 929(470+570)"1931/2022"
ББК 63.3(2)64-8

Грачёв А. С.

Горбачев. Человек, который хотел как лучше / А. С. Грачёв —
«Эксмо», 2023 — (Лучшие политические биографии)

ISBN 978-5-04-192692-2

Автор книги — советник, пресс-секретарь Михаила Горбачева. Уникальная биография последнего руководителя Советского Союза и лауреата Нобелевской премии мира. Это психологический портрет человека, политика, лидера, которому суждено было изменить ход истории. Почему именно Горбачев возглавил СССР перед крушением Империи? Был ли он инициатором драматических процессов в глобальной политике конца XX века или просто подчинился логике происходящего? Почему Горбачев не держался любой ценой за власть и допустил попытку переворота, а затем добровольно ушел в отставку? Что свело и на всю жизнь соединило Горбачева и его жену Раису? Книга построена на эксклюзивных материалах: многочасовых беседах автора с Горбачёвым, Раисой Максимовной и их дочерью Ириной; с людьми, окружавшими Генсека и Президента, поддерживавшими его или боровшимися с ним. В ней содержатся выдержки из малоизвестных документов Политбюро и Президентского совета. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929(470+570)"1931/2022"

ББК 63.3(2)64-8

ISBN 978-5-04-192692-2

© Грачёв А. С., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	7
Глава 1	9
Ставропольский Давид	9
От Стромьинки до Моховой	15
Две половинки яблока	18
«Постоянно неугомонный»	22
В гвардии Брежнева	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Андрей Серафимович Грачев Горбачев. Человек, который хотел как лучше

© Грачев А.С., 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023
Вере и Алене

*«...я пойду медленно, как пойдет скот... и как пойдут дети»
(Бытие 33:14)*

Пролог

«Нет истории, есть биографии», – процитировал Ральфа Эмерсона президент США Рональд Рейган, когда впервые принимал Михаила Горбачева в Белом доме в декабре 1987 года. Что имел в виду американский философ? Что историю надо изучать по именам и свершениям великих деятелей или что у истории нет иного инструмента самовыражения, кроме человека и его поступков?

Нет ничего проще, чем поделить прошлое на эпохи по именам царей, королей, президентов или генсеков. Проблема лишь в том, что у истории своя табель о рангах, не совпадающая с должностями и чинами правителей. Места в ее пантеоне заранее не бронируются и не продаются. И если одно из них, безусловно, зарезервировано за Михаилом Горбачевым, то вовсе не потому, что он шесть с половиной лет правил Советским Союзом – сначала как генсек компартии, а затем как его президент, – а потому, как распорядился оказавшейся в его руках неограниченной властью.

Его будут вспоминать и поминать – одни восхваляя, другие проклиная, – не только за то, что он сделал и на что отважился, но и за то, на что не решился и от чего удержался. Конец 20-го века останется эпохой Горбачева уже потому, что именно он подвел черту под главным конфликтом столетия и, перевернув эту страницу истории, дал возможность писать ее дальше с чистого листа.

К тридцатилетию падения Берлинской стены и окончания холодной войны между СССР и западным миром во Франции и в Англии почти одновременно вышли книги с практически одинаковыми заголовками, написанные двумя выдающимися историками – оксфордским профессором Арчи Брауном и постоянным секретарем Французской Академии наук Элен Каррер д'Анкокс. Книга Брауна называлась «Семь лет, которые изменили мир»¹. Заголовок книги д'Анкокс отличался незначительно: «Шесть лет, потрясшие мир»². Обе посвящены уникальному, с точки зрения авторов, историческому явлению конца 20-го века – советской *Перестройке* и ее инициатору и символу Михаилу Горбачеву.

Не сговариваясь между собой, они оба не устояли перед искушением устроить переключку с Джоном Ридом, автором легендарной книги «Десять дней, которые потрясли мир», посвященной Октябрьской революции 1917 года. Их можно понять.

Оба события тесно связаны между собой и тем, что произошли в России, и исторической логикой. Перестройка, начинавшаяся, по первоначальному определению Горбачева, как «продолжение Октября», завершилась распадом родившегося в результате революции 1917 года советского государства и подвела черту под грандиозным социальным экспериментом по воплощению в жизнь утопического коммунистического проекта, на попытку реализации которого ушло почти 70 лет российской истории.

Оказав грандиозное влияние и на мировую историю, оба эти события, по оценке другого английского историка, Эрика Хобсбаума, обозначили рамки «политического» 20-го века. Того самого, который, начавшись глобальным мировым кризисом, приведшим к Первой мировой войне и заставив мир пережить Вторую, едва не закончился Третьей мировой. Приняв форму ядерного конфликта, она скорее всего стала бы последней для человечества. «Если бы не Горбачев» – заключают оба автора. Благодаря Горбачеву 20-й век революций, мировых катаклизмов и войн – эпоха классового антагонизма, «железного занавеса», разделявшая Европу, и страха перед ядерным апокалипсисом – окончился на 10 лет раньше календарного срока.

---

¹ Archie Brown, *Seven Years that Changed the World: Perestroika in Perspective*.

² Hélène Carrère d'Encausse, *Six années qui ont changé le monde: 1985–1991, la chute de l'Empire soviétique*.

Конечно, содержание и значение такого тектонического потрясения мировой истории, которым стало неожиданно мирное разрешение конфликта между Востоком и Западом и самороспуск одной из двух сверхдержав, не сводятся только к окончанию холодной войны. Начатая Горбачевым Перестройка стала уникальным событием, поднявшим во всем мире беспрецедентную волну ожиданий и надежд, вызвавшим восторги, сменившиеся разочарованиями, и оставившим массу неотвеченных вопросов. Но, главное, принципиально изменившим Россию и наложившим отпечаток на последующее мировое развитие.

В том, что сконструированное большевиками по лекалам классовой борьбы и диктатуры пролетариата взрывное устройство, занимавшее одну шестую часть земной суши, удалось разрядить относительно благополучно, что распад советской империи не превратился во вселенский Чернобыль, главную роль сыграл тот, кто пришел к власти в Москве в марте 1985 года совсем с другими намерениями, – последний Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев.

Как обычные люди становятся историческими личностями? Что выделяет их из общего ряда? То, что отличает от остальных, – исключительные способности, энергия, честолюбие, жажда власти, приверженность идеалу, а может быть, напротив, безоглядный цинизм, беспринципность, самонадеянность или то, что с ними связывает, – знание жизни, умение уловить и выразить настроения и надежды народной массы? Очевидно, все это вместе для каждого – в своей пропорции, в смеси, состав которой можно определить лишь по интуиции, а удостовериться, что желаемое блюдо получилось, – по результатам.

Наверняка Горбачев уже в молодости обладал большинством качеств, выделявших его среди сверстников и коллег. Но не в такой степени, чтобы в нем можно было угадать будущего лидера национального или тем более мирового масштаба. Интрига истории разворачивалась по ей одной известным сценарию и календарю, и даже ее главный герой не был до поры до времени посвящен в смысл своей миссии. А уготовано ему было нешуточное: сокрушить систему, царившую почти на половине земного шара, которая претендовала на мировое господство и не подавала никаких, по крайней мере внешних, признаков истощения.

Скорее наоборот, по мере того как режим умирал внутри, все чаще отправляя на кремлевский погост своих руководителей, его претензии на сверхдержавность становились все безудержнее и безрассуднее. Мало кто мог вообразить себе в эти годы, что и афганская авантюра, и новые ракеты, нацеленные на Запад и на Восток, должны были не столько устрашать реальных или воображаемых врагов Советского Союза, сколько компенсировать растущую слабость дряхлеющей системы.

Поэтому те, кто знал или догадывался о необратимом процессе ее разложения, имел все основания опасаться, что при крушении режима, остававшегося, по словам самого Горбачева, «крепким орешком», высвободится гигантская энергия разрушения и накопленного в обществе насилия. «Если крах советской системы произойдет без третьей мировой войны, – отмечал великий физик Лев Ландау, – это будет чудом». Чудо произошло.

Этого ли хотел, к этому ли стремился Горбачев, или история записала его в списки своих Великих Реформаторов, не спросив его самого?³

---

³ В книге приведены цитаты из выступлений М.С. Горбачева, документов Секретариата и Политбюро ЦК КПСС, бесед автора с ним, его помощниками, членами его окружения и бывшего советского руководства.

Глава 1

Почва и судьба

Ставропольский Давид

Почему именно ставропольский Давид был избран судьбой для сокрушения тоталитарного Голиафа? Почему почти идеальный, образцовый продукт коммунистической системы, ее убежденный сторонник оказался для нее более опасным внутренним врагом, чем все внешние противники, вместе взятые? И почему режим, так успешно противостоявший иностранному военному нажиму и попыткам разложения со стороны идейного врага, оказался безоружным и уязвимым перед проектом реформаторов, стремившихся его «всего лишь» улучшить, ради того чтобы спасти?

Ответы содержатся в самих вопросах. Систему, вооруженную до зубов «единственно правильным учением» и ошестившуюся против всего мира, могла поразить только внутренняя коррозия, идейная ересь. Не агрессия извне, а «восстание ангелов». И возглавить его без страха мог, разумеется, только тот, кто сам был без упрека. Только истинно верующий мог стать еретиком. Тот, кто был бы всем обязан советской власти и при этом ничего не должен никому, кроме самого себя. Кто бы не страдал от комплексов неполноценности, традиционно присущих российским интеллигентам, желавшим освободить и осчастливить свой народ. Кто не был бы частью «прослойки», а сам происходил из народной гущи и потому не боялся в нее вновь окунуться.

Кто, как пролетарий, которому нечего терять, не страшился бы разжалования и, в точном соответствии с предсказанием авторов «Коммунистического манифеста», наилучшим образом подходил на роль могильщика строя, порожденного им самим. Классики оказались правы. Они ошиблись лишь на одну историческую октаву – вместо того, чтобы хоронить капитализм, сотворенный системой «новый класс» взялся за похороны социализма. И успешно довел дело до конца.

Чего все-таки оказалось больше в ставропольском парне – типичного для его среды, друзей, всего поколения или необычного, предназначавшего его для еще неведомой ему исторической роли? Должны же были быть заложены в его характере, в генах, в натуре какие-то уникальные качества! Ведь не каждый удостоивается при жизни титула одного из великих политических деятелей своего века. И не придется ли, чтобы объяснить сотворенное им, опять кланяться марксистским догмам и «Краткому курсу», утверждающим, что в истории нет выдающихся личностей, есть лишь «сыновья своего класса».

Ведь даже те, кому вроде бы на роду написано историческое призвание, далеко не всегда его оправдывают. История, как гигантская лотерея, многих возносит на гребень лишь по своей прихоти. И потому только задним числом, роясь в генеалогии, в чертах характера и воспоминаниях друзей, историки находят у ее избранников безусловные приметы величия...

У Миши Горбачева в момент его рождения 2 марта 1931 года таких примет, судя по всему, не было. И хотя он появился на свет в условиях, библейских по неприхотливости, в крестьянском доме на окраине села Привольное, над его изголовьем не стояла Вифлеемская звезда. К единственным знамениям, возвещавшим его особое призвание, можно, пожалуй, отнести известное родимое пятно, явственно проступившее на лбу, уже когда он основательно полысел, да тот труднообъяснимый факт, что его дед, Андрей Горбачев, крестивший внука в церкви села Летницкого, сменил имя Виктор, данное мальчику родителями при рождении, на

Михаила и таким образом, может быть, неосторожно поменял ему судьбу: лишив шансов стать «Победителем», он обрек его на одинокую гордыню «Подобного Богу».

Других знаков свыше подано не было. Зато было другое: любознательность и неумная энергия, буквально распиравшие сельского парнишку, с детства мечтавшего, по его собственному признанию, «что-то сделать. Удивить отца и мать, и своих сверстников». Добавим к этому смешанную русско-украинскую кровь двух семей переселенцев, осевших и породнившихся в Привольном: Горбачевых из Воронежа и Гопкало с Черниговщины. Смесь не только кровей, достаточно характерную для юга России, но и политических темпераментов его дедов.

Вот что пишет о его корнях американец Таубман, автор, как считается, лучшей биографии Горбачева, недавно изданной и на русском языке, который успел поговорить со многими стремительно уходящими свидетелями той эпохи и добросовестно зафиксировал их:

Отец матери – Пантелей Гопкало – с пылом окунулся в послереволюционную жизнь, вступил в партию, активно занимался коллективизацией, «продразверсткой» и воплощал новую власть, работая вначале уполномоченным по заготовке зерна, что в ту эпоху означало наделение чрезвычайными полномочиями, а потом председателем созданного им самим колхоза.

Дядя по линии матери помогал «душить кровопийц». «Я в комсомольской ячейке состоял, – рассказывал. – Ну и гонял со всеми по дворам, на которые указывали. Потрошили их». В результате грянул Голод, равного которому в истории страны, пожалуй что, и не было. Причем в самых хлебобродных районах: на Украине, в Поволжье, на Кубани и на Северном Кавказе...

Голод – самое раннее воспоминание Горбачева: лягушки плавают в большом котле и, сварившись, переворачиваются белыми брюшками вверх. Правда, он не может вспомнить, ел он их тогда или нет, зато очень хорошо помнит другой случай: «надо сеять, а все семена съели» – съели он и его младший дядя (он был старше Михаила всего на пять лет)...

Как раз тогда Сталин, выступая на Первом всесоюзном съезде колхозников-ударников, и сказал, что «главные трудности уже пройдены, а те трудности, которые стоят перед вами, не стоят даже того, чтобы серьезно разговаривать о них... ваши нынешние трудности, товарищи колхозники, кажутся детской игрушкой».

В Привольном, пишет Горбачев в своих воспоминаниях, вымерла по меньшей мере треть, если не половина села. Умирали целыми семьями. В семье деда Горбачева по отцу, единоличника Андрея, из шести детей от голода в 1933 году умерло трое.

Дед Андрей – антипод Пантелея, как бы специально для контраста введенный в семейную сагу. Убежденный единоличник, изо всех сил сопротивлявшийся коллективизации вплоть до того, что не захотел делиться нажитым добром и выращенным урожаем не только с советской властью, но и с собственным сыном Сергеем, когда тот подался в колхозники.

Горбачев в красках описывает в своих мемуарах типичную для той поры драматичную сцену классовой борьбы, чуть не дошедшей до драки между отцом и сыном из-за зерна, спрятанного дедом Андреем на чердаке. Позже, уже во время войны, когда в Привольное на несколько месяцев заявили немцы, именно беспартийный Андрей выручил своего партийного сына, спрятав на свиноферме на окраине села уже не урожай, а своего двенадцатилетнего внука Михаила, после того как пронесся слух, что оккупанты решили перед отступлением разделиться с семьями коммунистов.

Пренебрегая политическими расхождениями, советская власть подстригла обоих дедов под одну гребенку машиной репрессий. При этом Пантелею Ефимовичу, убежденному ее стороннику, в сценарии 37-го года досталось амплуа «активного члена контрреволюционной правотроцкистской организации», тогда как Андрею Моисеевичу выпала за невыполнение плана посева зерновых более скромная роль «саботажника». Соответственно разнились и вынесенные обоим приговоры.

«После ареста деда Пантелея дом наш, как чумной, стали обходить стороной соседи, – напишет потом Горбачев, – и только ночью, тайком, забегал кто-нибудь из близких. Даже соседские мальчишки избегали общения со мной... Меня все это потрясло и сохранилось в памяти на всю жизнь...» Дед ни в чем не признавался год с лишним, и это его спасло. Потом разоблачили и сняли наркома Ежова, так что кое-кому из ранее арестованных выпал шанс уцелеть. Те же люди в краевом управлении НКВД, что подписывали обвинительное заключение Пантелею Ефимовичу, вдруг прозрели и увидели, что изобличается он лишь голословными показаниями бывшего председателя РИКа, который к этому времени уже был расстрелян. И деду сначала поменяли расстрельную статью – на безобидную. А потом и вовсе отпустили.

Горбачев вспоминал: «В доме родителей сели за струганный стол самые близкие родственники, и дед со слезами рассказал все, что с ним делали, добиваясь признания... Больше об этом он не заговаривал никогда. После освобождения Гопкало односельчане снова избрали его председателем колхоза.

Деда Андрея арестовали весной 1934-го – за невыполнение плана посева; крестьянам-единоличникам тоже устанавливали такой план. Но семян не было, и план выполнять оказалось нечем. Как «саботажника» деда Андрея отправили на принудительные работы на лесоповал в Иркутскую область.

Вернулся досрочно, через год, с четырьмя грамотами за ударный труд. Грамоты забрал в рамки и повесил в «красном углу», под иконами. Судя по воспоминаниям внука, был суров и угрюм, и даже впоследствии сделал карьеру: стал заведующим свинофермой.

Трагичнее сложилась судьба деда тогда еще не известной Михаилу его будущей жены – Раисы Титаренко – Петра Степановича Парады. Все в том же 37-м постановлением «тройки» он был расстрелян на Алтае. Но хотя оба типа репрессий сталинского режима – и политических, направленных на устрашение партийных и хозяйственных кадров, и экономических, служивших формированию армии даровой рабочей силы, – не обошли стороной семьи родителей Горбачева, ни тот, ни другой дед не считали ответственным за них самого Сталина. Виновными в их глазах были, разумеется, слишком усердные местные исполнители, а то и «вредители».

Порочный круг взаимных подозрений и обоюдных обвинений, таким образом, замыкался, и запущенный вождем механизм общенационального террора, подпитываясь «общенародной поддержкой», функционировал безотказно. Позднее, размышляя над его роковыми последствиями для советского общества, будущий «калининский» стипендиат (до «сталинского» он не дотянул) Михаил Горбачев скажет: «Сталинизм развратил не только палачей, но и их жертвы. Предательство стало распространенной болезнью».

Заплатив свою подать государственному террору, исполнили свой долг Горбачевы и на войне. На обелиске павшим в центре Привольного – столбец из семи имен с этой фамилией. Михаил с матерью пережили и прощание с уходившим на фронт отцом (сыну Сергей Андреевич в этот день купил мороженое и, возможно, на память – балалайку), и тревожное ожидание писем, и даже похоронку, которую, к счастью, вскоре опровергло письмо от отца с фронта. Старшина Сергей Горбачев дошел до Карпат, был ранен, награжден и – вернулся.

У самого Михаила от детских предвоенных и военных лет остались впечатления, неотличимые от воспоминаний миллионов крестьянских детей той эпохи. Сад, корова, глиняный пол в хате, теленок зимой в доме, чтобы не замерз, «тут же гусыня на яйцах», голод. Вечный круговорот, в сущности, крепостной жизни, за пределы которой Мише уже с ранних лет хотелось вырваться.

Осознанно или нет, но он нащупал дорогу, ведущую в другой, тогда совсем неизвестный ему мир, – учебу. По этой дороге, включая вполне конкретный многокилометровый ее участок, отделявший Привольное от районной средней школы в селе Красногвардейском, Миша Горбачев двинулся к знаниям. Ребенком он был непоседливым, но, главное, уже тогда любопытным и упорным. Читал «все, что попадалось на глаза». Рассказывает, что почти на три дня

пропал из дома, переполошив мать, когда скрылся от всех на сеновале с книжкой Майн Рида «Всадник без головы».

Когда чего-то не понимал, откладывал, потом перечитывал заново. Знания впитывал жадно, интересовался сразу всем – физикой, математикой, литературой. Открыл для себя поэзию, заучил большие куски произведений Пушкина, Лермонтова, Маяковского, которые под настроение и с охотой декламировал. Увлёкся Белинским и так зачитывался книгой его статей из сельской библиотеки, что получил ее в подарок от односельчан, когда первым из жителей Привольного поступил в МГУ.

Влюбился, как и положено, в одноклассницу, с которой вместе играл в школьном театре в «Снегурочке» Островского. Миша с накладными усами был Мизгирем. Вообще сцену он обожал. Из других ролей обычно вспоминал князя Звездича в лермонтовском «Маскараде». Трудно сказать, что его притягивало больше: возможность перевоплощения, смены масок, лицедейства или внимание публики, устремленные на него глаза, аплодисменты. Во всяком случае, какое-то время он всерьёз подумывал об актерской карьере. Наблюдавшие его много позже совсем в другом амплуа такие разные люди, как А.Н. Яковлев и Е.К. Лигачев, с редким для обоих единодушием утверждают, что из Горбачева, безусловно, получился бы выдающийся актер. Что ж, может быть, он и получился, только в особом, политическом театре.

Впервые примерил он на себя в школьные годы еще одну роль – принципиального комсомольского лидера. Одни помнят, как строго Михаил выговаривал за опоздания на собрания, в том числе своей «Снегурочке»; другие – что он принес в школу из своего деревенского, во многом патриархального быта уважительное отношение к старшим, приветливость и благожелательность в общении с одноклассниками.

Не только от полярных по политическим темпераментам дедов, но и во внутрисемейном укладе получал он первые уроки идеологического плюрализма и терпимости, называя ее «деликатностью»: в доме у Пантелея Ефимовича в одном углу на столе стояли портреты Ленина и Сталина, в другом – привезенные бабушкой из Печерской лавры иконы.

Событием, резко выделившим его из школьной среды, стал, конечно, полученный им в возрасте 17 лет орден Трудового Красного Знамени, которым он был награжден за работу с отцом на комбайне. Помогать отцу-механизатору на комбайне он начал уже в 14 лет – для деревенского мальчишки это было естественным продолжением обычных домашних обязанностей. На равных со взрослыми – и под дождем, и в 35-градусную жару – участвовал в ежегодных «битвах за урожай».

На комбайне с отцом они трудились по двадцать часов в сутки, до двух-трех часов ночи, на ходу подменяя друг друга. «Жарища – настоящий ад, пыль, несмолкаемый грохот... Со стороны посмотришь на нас – одни глаза и зубы. Все остальное – сплошная корка запекшейся пыли, смешанной с мазутом. Были случаи, когда после 15–20 часов работы я не выдерживал и просто засыпал у штурвала. Частенько носом шла кровь...»

Видимо, в этом изнурительном «крепостном» труде, как потом скажет сам Горбачев, развилась и укрепилась между отцом и сыном тесная мужская и одновременно трогательная связь. Отца Михаил обожал. Подлинной нежностью пропитаны строки воспоминаний о нем. Фотография отца в солдатской гимнастерке стояла на рабочем столе генсека на даче. От отца Михаил Сергеевич унаследовал не часто встречающееся в крестьянской среде подчеркнуто «рыцарское отношение к женщине», которое наблюдала у своего деда дочь Горбачева Ирина.

Сложнее складывались отношения с матерью, Марией Пантелеевной. В своих воспоминаниях Горбачев упоминает о ней вскользь, как бы нехотя, подчеркивая всякий раз, что она была «решительной женщиной». Односельчане считали ее грубоватой по сравнению с более мягким по характеру, «интеллигентным» по манерам Сергеем Андреевичем. Как-то в разговоре, рассуждая о своих «вечных сомнениях», Горбачев обронил: «Вот у моей матери никаких сомнений никогда не было. Она никогда не училась, и ей всегда все было ясно». Оставшись

после смерти мужа одна, эта действительно энергичная женщина продолжала по заведенному раз и навсегда жизненному принципу вести дом и хозяйство, трудиться на огороде и напроочь отказывалась обсуждать варианты переезда с обжитого места.

После того как Михаил с Раисой перебрались в Москву, за его матерью приглядывали крайком и сельская власть. Когда Горбачев стал генсеком, ее дом отремонтировали, положили асфальтированную дорожку, провели телефон, а по соседству обосновалась охрана. Но видеться и разговаривать с сыном Марии Пантелеевны выдавалось все реже. Связующим мостиком между ними оставалась Ириша, которая еще при жизни деда часто гостила летом в Привольном и регулярно позванивала бабушке.

В 1991 году, когда случилась «форосская история», несколько нескончаемо долгих дней о судьбе президента ничего не знала и его мать. Когда же связь восстановили, он в горячке драматических событий ей из Крыма не позвонил: «Не получилось. До сих пор переживаю», – напишет он потом в книге «Августовский путч».

Может быть, на их отношения повлияло то, что мать, как это нередко бывает, больше привечала и холила младшего сына Сашу, последыша, родившегося через 16 лет после Михаила. Своему младшему брату поручал он заботиться о матери и когда ушел в отставку. Только в 1992 году, впервые после отставки приехав в родные края, Михаил Сергеевич убедил мать покинуть село, где прошла вся ее жизнь, и перебраться в Москву. После переезда она прожила недолго. Похоронили ее рядом с мужем в Привольном...

В 1950 году, заканчивая школу, 19-летний (из-за двухгодичного перерыва, связанного с войной) Михаил попросил родительского благословения на продолжение учебы. Жажда учиться и стремление вырваться в большой мир были столь сильны, что он готов был подать заявления сразу в пять вузов, – ему все казалось в равной степени интересным. Начал было приглядываться к Ростовскому институту железнодорожного транспорта, потом нацелился на карьеру дипломата, а в конце концов отправил документы на юрфак МГУ.

Этот серьезный сюжет обсуждался, по понятным причинам, прежде всего с отцом. Тот напутствовал сына лаконично: «Поступишь, будем помогать, чем сможем. Не поступишь, возвращайся на комбайн, будем дальше работать вместе». Известный американский журналист Хедрик Смит, долго работавший в Москве и написавший книгу о Горбачеве, уже в самом факте поступления деревенского парня из далекого ставропольского села в престижнейший институт усматривает чуть ли не божий промысел: «Это все равно что негритянскому подростку из Гарлема добиться зачисления в Гарвардский университет», – объясняет он американским читателям.

Михаил Сергеевич свое поступление на юрфак МГУ комментирует прозаичнее: «После войны, выбившей миллионы молодых людей, в стране был такой голод на квалифицированные кадры, что для поступления в вуз достаточно было только желания. У нас из школы даже те, кто учился много слабее меня, почти все поступили». И тут же, чтобы совсем не принижать значения своего первого Гераклова подвига, как бы в шутку добавляет: «У нас ведь никогда не переводились Ломоносовы».

После долгого ожидания и даже напоминания о себе, потеряв терпение, отправил в МГУ телеграмму – получил ответ о «зачислении с общежитием» даже без собеседования. Полученный за страду орден Трудового Красного Знамени плюс серебряная медаль помогли Мише поступить в МГУ без экзаменов. К тому же в свои девятнадцать успел еще в школе стать кандидатом в члены партии.

В сентябре 1950 года с чемоданом, собранным матерью, в своем единственном костюме Михаил сел на поезд, отправлявшийся в Москву. На память он увезет томик Белинского, который ему вручит школьная учительница на дорогу, как первому привольнинцу, сумевшему «завоевать» столицу. Его невероятный путь начинался.

Он впервые покидал Ставрополье и уносился – на этот раз уже не в мечтах – в другой, неизвестный ему и уже поэтому притягательный мир. Обрывал связь с родительским домом, деревенским бытом и целым укладом жизни – всем, что отныне останется в нем не столько частью натуры, сколько воспоминанием. В тогдашних условиях его отъезд был равнозначен первой поездке за рубеж, поскольку и вправду выводил его за границу единственного известного ему и привычного мира. Путь в полторы тысячи километров, который ему предстояло за последующие годы не раз проделать на поезде, провел его через Ростов, Сталинград, Харьков, Орел, Курск и Воронеж. Только покинув Ставрополь – его, как и собственную деревню, в общем-то пощадила война, – ставропольский «Ломоносов» начал открывать для себя подлинную драматическую реальность лежавшей еще в руинах и пока малоизвестной ему страны, которую через тридцать пять лет ему предстояло возглавить. И хотя пять лет спустя он вернется на работу в Ставрополь и проведет в родном крае еще 23 года, это будет уже совсем другой человек.

От Стромынки до Моховой

Уже после отставки, когда пришла пора оглянуться назад и времени впервые стало вдоволь, Горбачев вернулся в мемуарах к собственным истокам: «Чтобы решиться на реформы, нужно было прожить ту жизнь, которую я прожил, и увидеть то, что я видел. Выйти из семьи, пережившей драму коллективизации и репрессий 1937 года. Пройти Московский университет – его надо выделить жирным шрифтом».

Даже в начале 50-х годов МГУ, размещавшийся тогда на Моховой, был окном в мир подлинных знаний и оазисом культуры в пустыне идеологического конформизма. Среди преподавателей юрфака сохранились дореволюционные профессора. Наряду с обязательными классиками марксизма-ленинизма студенты штудировали римское право и латынь, историю политических учений, изучали конституции крупнейших буржуазных государств, начиная с американской, учились ораторскому искусству. За годы учебы на факультете, как подсчитал однокурсник Горбачева Рудольф Колчанов, им пришлось сдать 53 экзамена, не считая зачетов.

Даже изучение классиков марксизма, не сводившееся только к сталинскому «Краткому курсу ВКП(б)», а предполагавшее знакомство с первоисточниками, было серьезной гимнастикой для молодых умов. А обязанность изучать всех идейных противников классиков марксизма, которых те ниспровергали и с кем спорили (спорили же они почти со всеми сколь-нибудь выдающимися интеллектуальными фигурами своего времени), выводила юрфаковцев за флажки официальной доктрины, на просторы неортодоксальных и крамольных идей. «У нас в общежитии – а в одной комнате на первых курсах жило по 15–20 человек – круглые сутки шли яростные теоретические споры, – вспоминает Р. Колчанов. – Мы без конца делились на идейные течения и фракции. Кто-то цитировал Троцкого, кто-то мог критиковать Ленина за Брестский мир или даже самого Сталина, скажем, за примитивный стиль изложения философских идей. Я лично был поклонником Струве... Конечно, мы были глупыми, сумасшедшими мальчишками и могли здорово за это поплатиться. Несколько человек со старшего курса за такие дебаты получили по 10 лет. Но нам повезло, никто не донес».

Прямо со ставропольского поезда Миша Горбачев окунулся в эту разгоряченную интеллектуальную среду. «Университет пробудил во мне внутренние силы. Привел в движение мысль. Страсть и любопытство переросли в устойчивый интерес к философии, к политике, к теории. Это и сейчас у меня остается, хотя я себя не считаю теоретиком. Все-таки я политик, политик», – повторяет Горбачев и дважды, как бы в подтверждение этого, взмахивает рукой, сжатой в кулак.

Курс был пестрый, большинство составляли только что отвоевавшие фронтовики, школьников было мало, среди них практически все – медалисты. Михаил со своей серебряной медалью, полученной в сельской школе, хотя и был по знаниям чуть выше большинства фронтовиков, но, особенно поначалу, сильно проигрывал городским сверстникам. Выручал чуть более солидный возраст – 19 лет и уже упоминавшиеся знаки отличия, завоеванные на трудовом фронте. Но это только в первый год, а дальше – никаких снисхождений, все были на равных.

Это испытание Горбачев выдержал – целеустремленный парень приехал в столицу с твердым намерением отучиться пять лет «без амуров». «Там, где нам приходилось заниматься 1–2 часа, – рассказывают его однокурсники, – он сидел 3–4. Учился неистово, страстно, на пределе сил. Жажда знаний у него была поразительная». Правда, нельзя сказать, что этим он сильно отличался от других студентов. Для поколения, пережившего войну и стремившегося наверстать упущенное, начать нормальную мирную жизнь, истовая, азартная учеба была естественным выбором. В общежитии на Стромынке в единственном читальном зале мест на всех не хватало, и студенты занимались там посменно круглые сутки. Явившийся в 2 или 3 часа ночи сокурсник вполне мог застать там сидящего за книгами Горбачева.

Впрочем, тогда особыми успехами он не выделялся, на курсе были и более яркие, самобытные личности. Но, даже не будучи штатным заводилой и «душой общества», он пользовался у сокурсников безусловным авторитетом. Его выбрали комсоргом, потом секретарем факультетского бюро. В 1952 году из кандидатов он был принят в члены партии. Хотя в то время никто из сверстников, разумеется, не мог угадать в нем будущего выдающегося лидера, перст судьбы все-таки указывал на него: на случайной, ежегодно публикуемой в «Комсомольской правде» ритуальной фотографии очередного набора студентов МГУ в 1950 году Михаил был запечатлен в самом центре большой группы первокурсников.

В достаточно пестрой среде юрфаковцев он, как отмечают многие, привлекал прежде всего открытым, «теплым», общительным характером. И еще страстной тягой ко всему новому, неизвестному, желанием узнать, впитать все, что могла ему дать столичная жизнь, преодолеть отрыв в знаниях и впечатлениях от своих сверстников. При этом, по словам его самого близкого университетского друга чеха Зденека Млынаржа, Михаил никогда не комплексовал, не стеснялся своей провинциальности, всегда мог спросить: «А что это такое, первый раз слышу?» «Так однажды он поинтересовался у меня насчет балета и потребовал взять с собой в Большой театр». В другой раз это мог быть футбольный матч или военно-воздушный праздник.

Интерес к жизни, естественно, перерастал в интерес к людям, особенно ярким, необычным. «Поэтому-то у него и было всегда много друзей», – говорит Рудольф Колчанов. Видимо, и Млынарж был для него невиданным явлением, окном в другой, еще неизвестный мир. Иностранец, пусть и из братской социалистической Чехословакии, широко образованный, выходец из состоятельной семьи и при этом убежденный коммунист. Млынаржа, скорее всего, привлекало в сокурснике то, чего недоставало ему самому – открытость, спонтанность, стихийный демократизм. Его русский друг стал для него как бы живым воплощением того абстрактного, описанного в книгах пролетария, представителя трудящихся, служению которым Зденек собирался посвятить свою жизнь. Все университетские годы они были неразлучны.

Подкупало его в «Мишке» и то, что, в отличие от большинства остальных ребят по курсу, он был классическим, «незамутненным» провинциалом, приехавшим в Москву с южной окраины России. Поэтому преодоленная им дистанция – от родного дома на окраине Привольного до престижного факультета главного советского вуза – была по-своему живым подтверждением и реального демократизма существующей системы, и, разумеется, незаурядности тех, кого она сформировала.

Многоцветное, многоголосое сообщество послевоенной молодежи спланивало, соединяло в единый организм общежитие на Стромынке, заменявшее немосквичам родной дом. Эта советская бурса размещалась в здании бывшей казармы, построенной еще в петровские времена, и казарменный дух, сквозивший в ее архитектуре и внутренней планировке, так из нее и не выветрился. До тех пор пока студенты не перебрались в роскошные для той поры «хоромы» в высотном здании МГУ на Ленинских горах, они жили по несколько человек в одной комнате, где не было другой мебели, кроме кроватей, под которыми в чемоданах хранились личные вещи. Внутри всего желтого здания тянулся длинный коридор, и те, кому надоедало торчать в прокуренной комнате, выходили на прогулку по нему, как на главный проспект этого постоянно гудевшего и почти не спавшего студенческого города.

Еще одним местом коллективного времяпрепровождения был... туалет. Лишенный по причине послевоенной разрухи кабинок и дверей и состоявший из шеренги унитазов, он использовался не только для сугубо утилитарных целей. Там нередко продолжались политические и теоретические дебаты и можно было обнаружить какого-нибудь студента, погруженного в чтение философского трактата с карандашом в руке или просто задумавшегося, как роденовский Мыслитель, только в менее эстетичной позе.

Жесткий коммунальный быт, разумеется, сразу высвечивал индивидуальные черты характера каждого. Михаил – в этом, видимо, проявлялось его патриархальное деревенское

воспитание – естественно вписался в этот студенческий «колхоз»: продукты и гостинцы, получаемые им время от времени из дома, тут же делились на всю комнату, которая вскоре после того, как он был избран ее старостой, завоевала звание образцовой в общежитии. Привитая родителями отзывчивость могла поднять его среди ночи зимой, чтобы отдать свое теплое пальто приятелю, спешившему на вокзал встречать родственников. «Тогда ведь всем, что у кого было, делились. Гардероб у студента личным никогда не был», – рассказывал Михаил Сергеевич про свою жизнь на Стромынке много лет спустя.

Из общежития в Университет на Моховой ездили со станции метро «Сокольники», куда, как правило, без билета добирались на трамвае – по утрам его подножки и даже сцепки между вагонами бывали облеплены студентами. Девушек всегда галантно заталкивали в вагон. Зато на обратном пути, когда торопиться было некуда, юрфakovцы группками возвращались пешком на Стромынку, а когда заводились деньги, заглядывали в одну из расположенных по пути забегаловок: брали по порции винегрета и бутылку вина на 3–4 человек, а чаще водку. Горбачев регулярно участвовал в этих непритязательных застольях.

Все, или почти все, изменилось в укладе его студенческой жизни с появлением Раисы.

Две половинки яблока

Увлечения или даже романы у 19-летнего южанина, открывавшего для себя Москву, разумеется, были и до Раисы. Сокурсники рассказывают по крайней мере о двух девушках с юрфака, которые привлекали его внимание и сами не остались равнодушны к черноглазому и тогда еще пышноволосому ставропольцу. Одна из Мишиных подруг, утонченная барышня из профессорской семьи, охотно «обтесывала» его – приобщала к московской жизни, водила по театрам, концертам и выставкам. Горбачев, как утверждают, был по-настоящему увлечен и сильно переживал, когда эти отношения оборвались: то ли самой москвичке, то ли ее семье Михаил, симпатичный, но совсем «из другого круга», показался простоватым. Второй раз он влюбился в одну из самых красивых девушек на факультете, явно выделявшую его в толпе своих поклонников. Роман завязался и мог иметь продолжение, если бы в этот момент Михаил не встретил Раису. У них обоих осталось впечатление, что каждый нашел недостававшую и идеально подходившую ему «половинку яблока» (по выражению Горбачева).

Рая, хотя и была на год моложе Михаила, – она поступила в МГУ в 17 лет, окончив школу с золотой медалью, – училась на курс старше на философском факультете. В общежитии на Стромынке философы и юристы размещались по соседству, и специфика каждого факультета накладывала на их студентов заметный отпечаток. Среди юристов, которым по окончании учебы предстояло работать в органах прокуратуры, судах, а также в МВД и милиции (об адвокатской практике в те, еще сталинские, 50-е годы вряд ли кто мог задумываться всерьез), было довольно много фронтовиков, людей служивых или собиравшихся ими стать. В философы, у которых в перспективе было в лучшем случае преподавание диамата и истмата в техникумах и вузах, шла молодежь особого склада, «чуть-чуть сдвинутые», как считает Рудольф Колчанов, ежедневно наблюдавший своих коллег-мыслителей в общежитии. Для того чтобы оказаться среди них, девушка, да еще из глубокой провинции, как Раиса, несмотря на ее золотую медаль, должна была быть, безусловно, неординарной личностью. Она тогда такого впечатления не производила.

Очень худенькая, сосредоточенная – такой Раиса запомнилась однокурсникам, среди которых оказались будущие звезды философии и социологии Мераб Мамардашвили и Юрий Левада. В те годы она, даже будучи очень привлекательной, не выглядела эффектной и уж точно не была кокетливой. Производить яркое впечатление в те, еще достаточно голодные, годы ей не позволяла и тогдашняя бедность. Раиса выросла в семье с более чем скромным достатком. Ее матери и отцу-железнодорожнику, растившим троих детей, ради того чтобы «поднять» их и дать образование, приходилось отказываться от многого. Рая не могла позволить себе не только лишнее платье, но и теплую одежду для зимы, и, как она рассказывала дочери, видимо, заработала ревматизм, когда бегала по морозу в тонких чулках и легких туфлях. Но стесненность в средствах ее тогда ничуть не угнетала – может быть, и она принадлежала к породе «чуть-чуть сдвинутых», во всяком случае, увлеченных своим необычным предметом, – и к жизненным трудностям студента относилась философски. Даже естественное для юной привлекательной девушки внимание к своей внешности и производимому на окружающих впечатлению было просто не в ее характере. Красить губы, по словам супруга, она впервые начала в 30 лет.

Что свело и так прочно соединило на всю жизнь Раису и Михаила? Ведь все, кто наблюдал их, могли убедиться, что это был действительно редкий, гармоничный союз, брак из разряда тех, что «заключаются на небесах». Юрий Лизунов, фотограф из ТАСС, часто сопровождавший Горбачевых в поездках, опытный физиономист, как все люди его профессии, говорил, что, когда они вместе, «у них совсем по-другому светились глаза». Чем они оказались так близки друг другу? Если отвлечься от того, что составляет таинство любовного союза, у них обнаруживается удивительно много общего. «Они ведь даже похожи были», – считает их дочка.

Начать с того, что оба полурусские, полуукраинцы, только у Михаила украинкой была мать, у Раисы – отец, Максим Титаренко. Оба из простых трудовых семей, не балованные ни достатком, ни исключительной заботой родителей. Оба обученные труду с детства и воспринимавшие учебу как единственное продолжение этого труда. Используя современную терминологию, Ирина называет их обоих «самообучающимися системами». Наконец, оба – чужаки в Москве, провинциалы, с жадностью впитывавшие все, что могла им предоставить столица, но при этом так и не ставшие столичными жителями, своими в этом, принадлежащем сразу всем, но только для немногих родном городе.

Найдя друг друга в шумной суете московской жизни, они, по-видимому, почувствовали себя на отдельном, только им принадлежащем островке посреди бушующего и чужого им моря. Во всяком случае, с тех пор как они познакомились в 1951 году, сразу сузился круг их внешнего общения. «Они никого не оттолкнули, ни с кем не порвали, наоборот, будучи оба отзывчивыми и открытыми людьми сохранили все дружеские связи, просто было видно, что у них образовался свой собственный внутренний мир, в который они никого не пускали», – рассказывает Р. Колчанов.

Привычки, отношение к жизни, к учебе у них и раньше были схожими, теперь же, даже не замечая этого, они начали подстраиваться друг к другу. Выяснилось, что оба обожают пешие прогулки, и эта привычка стала священным ритуалом, соблюдавшимся независимо от того, когда Михаил Сергеевич, ставропольский секретарь, а потом общесоюзный генсек и президент возвращался домой с работы. (После смерти матери традицию ежевечерних прогулок с отцом продолжила дочь Ирина.) Оба были, как считает Горбачев, «максималистами», и уточняет: «Раиса Максимовна такой и осталась, а вот мне из-за специфики моих занятий и многообразных проблем пришлось превратиться в «человека компромиссов».

По твердости характера, методичности, организованности, граничившей с педантичностью, Раиса во многом превосходила мужа. Возможно, эти черты у нее развились или даже гипертрофировались за годы ее социологических занятий, систематизации многочисленных опросов и преподавательской работы. Книги в домашней библиотеке расставлены ее рукой строго по алфавиту. В студенческие годы она могла посредине концерта или спектакля встать и уйти, чтобы дочитать к зачету какую-то книгу или закончить конспект. Точно так же в Ставрополе, принимая гостей из Москвы, она извинялась и отправлялась на кухню готовиться к завтрашней лекции.

К первым зарубежным поездкам она тоже готовилась, как к семинарам, «начитывая» литературу, в музеи приходила с путеводителем и покидала с исписанным блокнотиком. Когда выезды за рубеж Горбачевых стали регулярными, она отмечала на карте мира страны и города, в которых побывала. Переехав из Ставрополя в столицу в 1978 году, Горбачевы более основательно заново знакомились с Москвой по плану, разработанному Раисой: по воскресеньям обходили московские памятники по эпохам, начиная с основания города. Можно усмотреть во всем этом проявление так и не выветрившихся комплексов девушки из провинции: самоотверженным трудом, предельной организованностью и внутренней дисциплиной она заставляла себя наверстывать нехватку знаний и «универсальной культуры», которую ей не смогли своевременно дать семья и среда. Но в этом же проявлялась и безусловная сила ее характера, целеустремленность и тот самый уже упоминавшийся максимализм, нежелание удовлетворяться полумерами, суррогатами, «приблизительными знаниями», округлыми общими фразами и словами. Недаром Михаил Сергеевич в шутку называл свою Раису секретарем семейной партийной ячейки.

Еще в университете она считала недопустимым для себя готовиться к экзаменам только по учебным пособиям или конспектам, а не по первоисточникам: работам Гегеля, Канта, Фихте и других. Чиновник британского МИДа, сопровождавший чету Горбачевых во время их первого визита в Великобританию в декабре 1984 года, буквально опешил, когда Раиса Макси-

мовна высокопрофессионально оценила философские работы Гоббса – ему трудно было поверить, что ее ремарка не была заранее специально припасена для поездки. Но точно так же в Ставрополе, куда был направлен на работу после МГУ Михаил Сергеевич, вовсе не предполагая, что станет «первой леди» советской супердержавы, она готовилась к лекциям в сельскохозяйственном институте, вчитывалась в переводы «закрытых» философских книг, издававшихся «штучным тиражом» для рассылки высшей партийной номенклатуре. Выросшая в окружении этих книг, в атмосфере постоянных семейных политических споров и философских диспутов, Ирина подтверждает, что имена Сартра, Хайдеггера и Маркузе с детских лет были у нее на слуху.

При этом, даже став преподавателем и доцентом вуза – одно время ей предлагали пост заведующего кафедрой, – Раиса Максимовна не превратилась в «синий чулок». Увлеченность «тяжеловесными» и даже схоластическими талмудами старых и новых философов не мешала ей поддерживать не только интеллектуальную и профессиональную форму, но и оставаться привлекательной современной женщиной. С одинаковой заинтересованностью она следила за тенденциями зарубежной политической мысли и за веяниями моды: была в курсе моделей и фасонов сезона, модных цветов и длины юбок.

Прожив 23 года в провинциальном Ставрополе, лишь от случая к случаю наведываясь в Москву и редко бывая за границей, она яркой бабочкой выпорхнула из кокона безликой и обезличивающей системы – элегантной, независимой и уверенной в себе современной женщиной, которая стала советской «первой леди» едва ли не раньше, чем ее муж бесспорным национальным лидером.

Но в начале 50-х Михаил, разумеется, не знал обо всех этих неординарных качествах своей будущей жены. Ему, как, впрочем, и ей самой, их предстояло еще открыть и развить. Однако рядом с этой достаточно необычной девушкой он вовсе не был «ведомым». Хотя Раиса была на курс старше, он, студент-юрфаковец, со своим богатым трудовым и жизненным опытом, партийным стажем и начинавшейся комсомольской карьерой, выглядел вполне самостоятельным и взрослым мужчиной. Сделав Михаила после некоторых колебаний своим избранником (Горбачев в мемуарах и в устных рассказах не без удовольствия припоминал поклонников, которые роем вились вокруг нее: «физика», аспиранта из Литвы и еще одного «югослава, то ли серба, то ли хорвата», которым она в конце концов предпочла его), Раиса, как это было принято в тех семьях и той среде, откуда оба вышли, подчинила свою дальнейшую жизнь планам мужа.

После двухгодичной «дружбы» они, наконец, поженились в 1953 году, отпраздновав в общежитии студенческую свадьбу, – деньги на свадебные наряды он заработал на летних каникулах в своей родной МТС. Первую брачную ночь провели в комнате, которую им галантно уступили друзья Михаила, разбредшиеся кто куда. Но уже со следующего дня молодоженам пришлось вновь разойтись по мужской и женской «половинам» стромыньских казарм, и даже официальное свидетельство о браке, служившее Михаилу пропуском в комнату Раисы, где ее соседкой была будущая жена Зденека Млынаржа, не позволяло ему задерживаться у жены позднее 23 часов.

Подлинный медовый месяц наступил много позже, когда они смогли перебраться в аспирантское общежитие МГУ на Ленинских горах, где были «семейные» комнаты с невиданным по тем временам комфортом – душем и туалетом на каждые две семьи. Раиса, окончившая к этому времени университет, получила предложение остаться в аспирантуре, что лишний раз подтверждает серьезность ее отношения к избранной стезе, и поджидала завершения учебы и распределения мужа. Ни о какой необычной карьере, ни тем более о политике молодые супруги в то время не помышляли.

Как миллионы советских людей, они, конечно же, были потрясены смертью Сталина и, как их чешский друг Млынарж, задавали себе в растерянности вопрос: «Что же теперь с нами будет?» Но Михаил, по свидетельству друзей, в те годы не был замечен ни в экзальтирован-

ном поклонении вождю, ни в хотя бы робком антисталинизме. Попереживал вместе со всеми и переключился на другие, более актуальные сюжеты в начинавшейся самостоятельной жизни. Его стихийный антисталинизм, который оказался основательнее, чем официальная анафема культу личности, прозвучавшая три года спустя, начал проявляться много позднее в нетерпимой реакции на происходившие вокруг него события. Но уже летом 53-го в письмах Раисе стажер ставропольской прокуратуры, будущий генсек пишет, как сильно он чувствует «отвратительность окружающего... Особенно быта районной верхушки». Но на более высокий уровень, тем более на оценку режима или поведения умершего вождя, его критика тогда не распространялась.

«Мы были не диссидентами, а ревизионистами», – написал он в книге диалогов с японским политическим и религиозным деятелем Д. Икэдой. Даже общая для их троих дедов несчастная доля жертв репрессий 37-го не сказала тогда на почитании им вождя. «Впервые в прямую связь историю своей семьи с последствиями сталинизма я поставил, находясь уже в Ставрополе и узнав о докладе Хрущева». Только с этой поры, а не с московских университетских лет, можно, наверное, зачислять Горбачева, как это он делает сам, в поколение «шестидесятников» – «детей войны и XX съезда»...

С распределением Михаила, несмотря на защищенный на «отлично» диплом, вышла заминка. Остаться, как и Раиса, в аспирантуре у него не получилось: хотел пойти на «серьезную» кафедру – теории государства и права, а ему как бывшему селянину предлагали колхозное право. Поначалу «забрезживший» вариант распределения в центральный аппарат союзной прокуратуры сорвался. Новоиспеченный юрист стал своеобразной жертвой процесса десталинизации: в стране началось восстановление «социалистической законности» и закрытое постановление правительства запрещало брать на работу в центральные органы правосудия «незрелую» молодежь из юридических вузов, представители которой в прежние годы так ретиво обслуживали сталинские репрессии.

Горбачеву предложили на выбор работу в прокурорских органах Томска, Благовещенска, в Таджикистане или в подмосковном Ступино, что давало бы возможность «зацепиться» в столице, а Раисе продолжать учебу в аспирантуре. Но, видимо, и здесь сыграли свою роль его тогдашний максимализм и нежелание жертвовать специальностью ради Москвы. Нелепо подозревать его и Раису, бросившую аспирантуру и последовавшую за мужем в провинциальный Ставрополь, в том, что могли просчитать на двадцать лет вперед шансы сделать там головокругительную партийную карьеру. Их не ждали ни гарантированная работа, ни жилье, ни какие-то местные покровители, которые обещали бы Михаилу быстрое служебное продвижение. Рассуждать так задним числом, как делают некоторые российские или зарубежные комментаторы биографии Горбачева, – значит упускать из виду, что оба они не так уж держались за Москву, продолжая чувствовать себя в ней чужими, забывать о том времени и о том поколении, полном надежд и желания самоутвердиться, в конце концов, о том, что они были молоды, уверены в себе и друг в друге и потому счастливы. Все остальное казалось и, видимо, на самом деле было вторичным.

Отправив багажом главные накопленные в Москве ценности – книги, Михаил и Раиса, обогащенные столичными впечатлениями, обремененные знаниями, он – римского права и начатков латыни, она – мировой философии – в 1955 году отправились в Ставрополь, почти как «разночинцы» или «народники» прошлого века. Они и в самом деле были «советскими разночинцами» – представителями нового сословия, вышедшего из народной среды, получившего добротное образование и мечтавшего применить его для улучшения участи своего народа. Главным для обоих была возможность начать вдвоем самостоятельную жизнь, их вовсе не смущало, что начинать ее приходилось с чистого листа.

«Постоянно неугомонный»

«Хождение в народ» по правилам советской эпохи начиналось с обхода кабинетов кадровиков. Прибывший из Москвы молодой специалист быстро убедился, что в ставропольской прокуратуре его не ждали с распростертыми объятиями. Диплом и значок выпускника МГУ не произвели впечатления на местное юридическое сословие, скорее наоборот: чужак, даже будучи земляком, раздражал, грозил нарушить размеренный, привычный уклад местной жизни. «Лишнее» образование здесь только мешало.

Ставрополь, в переводе с греческого «город креста», построенный при Екатерине для обороны от турецких нашествий, в середине 50-х годов выглядел «даже чересчур провинциальным», как дипломатично охарактеризовала его Раиса. В нем, правда, имелись свой проспект Карла Маркса и неизбежный кинотеатр «Гигант», но отсутствовали центральный водопровод и канализация. По свидетельству Владимира Максимова – будущего диссидента, издателя журнала «*Континент*», работавшего в те годы журналистом в ставропольской молодежной газете, это был типичный провинциальный городок, растянувшийся вдоль одной главной улицы. Здесь практически не было общественного, а тем более личного транспорта – в официальные учреждения, в магазины и в гости жители в основном ходили пешком. И если после родного села Ставрополь казался Горбачеву символом городской современной жизни, то после Москвы он выглядел совсем иначе.

Холодный душ, каким его окатили в местной прокуратуре, где он не так давно проходил практику и откуда слал Раисе письма, обличавшие «чиновничью наглость, косность и консерватизм», побудил темпераментного Михаила самому взяться за устройство своего будущего, тем более что «сманил» сюда из Москвы свою «Райчонку». Он специально загодя выехал в Ставрополь, чтобы приготовить все необходимое к ее приезду. Михаил помнил, как хмуро встретили родители Раисы, которых они навестили после окончания учебы, сообщение о том, что муж срывает ее с аспирантуры и тащит за собой в глухую провинцию.

Надо было немедленно трудоустроиться, и Горбачев, обсудив ситуацию с приятелями, отправился в крайком комсомола. Там он выложил свои козыри: партийность, работа в селе комбайнером, полученный за это орден, университетский диплом, комсомольская работа на курсе и факультете. Напористый парень произвел хорошее впечатление на первого секретаря крайкома комсомола В.Мироненко и по уговору с прокурором края, решившим не держаться за спущенного ему по разнарядке нового сотрудника, Горбачева откомандировали к нему. Так, не успев потрудиться по своей специальности, которой посвятил пять университетских лет, Михаил приступил к работе, где требовались не столько специальные знания, сколько особые качества: энергия, исполнительность, «моторность», умение находить подход к людям. Мироненко так аргументировал назначение его заместителем заведующего отделом пропаганды крайкома комсомола: «Соображает, знает деревню, язык подвешен. Что еще надо?»

«Постоянная неугомонность» помогла Михаилу быстро включиться в круговорот, которую представляла собой жизнь партийно-комсомольского аппарата во все советские времена, и особенно в хрущевскую эпоху. Кампании, почины, местные инициативы и директивные указания Центра заставляли спицы аппаратного колеса вертеться круглосуточно. Готовым надо было быть ежедневно ко всему: от разъяснений пагубных последствий культа личности до направления молодежи на стройки «большой химии» и пропаганды кукурузы. После того как Никита Сергеевич открыл для себя несравненные питательные качества утиного мяса, крайком комсомола по примеру старших товарищей переквалифицировался в «утководов». Краевая молодежная газета на первых страницах грозно вопрошала: «Комсомолец, что за сутки сделал ты для утки?» Расплодившиеся птицы заплонили все водоемы, создавая очередную

экологическую проблему, и, поскольку для их переработки не хватало мощностей, утки в конце концов были под шумок изведены – благо из столицы подоспела какая-то новая инициатива.

Кипучая деятельность Горбачева создавала у всех вовлеченных в ее орбиту ощущение того, что каждодневно вершатся какие-то большие государственные дела, а главное, все время что-то происходит. Он на свой лад откликнулся на дуновение хрущевской «оттепели», появившейся из Москвы, попробовав в 1956 году организовать в Ставрополе первые комсомольские дискуссионные клубы под крамольным девизом «О вкусах спорят». После того как дебаты с вопросов о моде перекинулись на политику, клубы, как и утиный почин, пришлось прикрыть.

Не только усердие, но явные организаторские и ораторские таланты, способность складно и без шпаргалки выступать почти на любую актуальную тему, выделявшие Михаила среди ставропольских комсомольских функционеров, привлекли к нему внимание партийного начальства: он резво двинулся по ступеням аппаратной лестницы, нередко перешагивая по две сразу. Уже в апреле 58-го становится вторым секретарем крайкома комсомола, а в марте (счастливым месяц для Горбачева) 61-го избирается первым секретарем и автоматически входит в «верхушку» краевой номенклатуры.

Между тем у Раисы дела поначалу складывались далеко не так успешно. Ей больше, чем ему, пришлось пострадать от слишком высокой квалификации: «красный диплом» выпускницы философского факультета МГУ на многих действовал как красная тряпка на быка. Целых четыре года она практически не имела постоянной работы, перебиваясь эпизодической подработкой. Несколько раз ее, не успев зачислить, увольняли при сокращении штатов. Наконец она начала работать преподавателем сначала в медицинском, затем в сельскохозяйственном институте, на экономический факультет которого заочником поступил и ее муж.

Условия их жизни неспешно менялись к лучшему – по мере служебного продвижения Горбачева. Начинали с 11-метровой комнаты с дровяной печкой и удобствами во дворе, которую снимали у пенсионеров. Вскоре стало в ней тесно: в январе 57-го родилась дочь Ирина. Через пару лет семья переехала в коммуналку, где они занимали уже две комнаты. Первую отдельную квартиру получили уже после того, как Михаил стал первым секретарем крайкома комсомола.

Этот статус открывал перед ним совсем другие горизонты. В новом качестве он становился не только непременным участником регулярных заседаний и неформальных встреч краевой «элиты», но и многочисленных общесоюзных совещаний, слетов, пленумов ЦК комсомола. Чаще бывал в Москве, где общался с коллегами из других областей и республик. На одном совещании впервые встретился со своим грузинским «соседом» – комсомольским вожаком республики Эдуардом Шеварднадзе.

Подающую надежды молодежь регулярно приглашали на «взрослые» мероприятия. В составе ставропольской делегации на XXII съезде КПСС Горбачев оказался среди тех, кто в октябре 1961 года проголосовал за вынос из Мавзолея тела Сталина. «А как же, и я поднимал руку», – вспоминал Михаил Сергеевич, рассказывая такой эпизод. После окончания затянувшегося заседания он торопился выйти из Спасских ворот, чтобы выполнить какое-то срочное поручение своего тогдашнего партийного шефа Ф.Д. Кулакова. В проходной группу делегатов попросили задержаться. Ожидание затянулось. Когда как обычно нетерпеливый Горбачев попробовал выяснить, в чем дело, один из часовых, преграждавших им путь, сказал: «А вот, выполняем ваше решение насчет Сталина». И действительно, вокруг оцепленного Мавзолея сустились военные и рабочие, занятые захоронением мумии вождя.

Заметно выделявшийся на общем провинциальном фоне, Михаил быстро попал в поле зрения нового краевого партийного руководителя Ф.Д. Кулакова, назначенного в Ставрополье в 1960 году. Именно он, содействовавший избранию Горбачева первым секретарем крайкома комсомола, уже через год перевел его на работу парторгом крайкома партии, а еще год спустя, в январе 63-го, поставил во главе ключевого орготдела. «Кулаков был мужик резкий, крутой,

требовательный, типичный представитель «нажимной» административной школы, – вспоминает Михаил Сергеевич. – Он, конечно, мог и разнос устроить, и выматерить, как водится в России. Но работал с душой, за дело болел и при этом никогда не поручал мне что-то сомнительное, хотя я знаю, что от других мог потребовать, что в голову придет и чего душа пожелает».

Видимо, смолоду были заметны в этом ретивом комсомольском активисте и энергичном партийном секретаре такие неординарные в этой среде качества, как искренняя убежденность, личное достоинство и внутренняя цельность, оберегавшие его от сомнительных поручений начальников и распушенности аппаратной «кухни». По той же причине, по которой его коллеги по партийным застольям научились уважать его привычки и не приставали с требованиями выпить до дна лишний стакан, начальство не решалось вести себя с ним развязно, «посвойски», как с остальными порученцами. Казалось, они оберегали его, как заботливо пестуемого отпрыска, от зрелища изнанки жизни.

Почему столь непохожие люди, как Кулаков и Андропов, да и другие достаточно типичные советские руководители на разных этапах его карьеры благоволили к нему, поддерживали и, чуть ли не передавая с рук на руки, продвигали все выше? В списке покровителей, точнее заботливых «поводырей» будущего разрушителя устоев того порядка, сохранению которого они посвятили свою жизнь, окажутся и М.А. Суслов, и А.Н. Косыгин, и Д.Ф. Устинов, и А.А. Громыко, и сам Л.И. Брежнев. Одно из расхожих объяснений сводится к карьерному таланту Горбачева, умению подыграть, вовремя поддакнуть и понравиться любому начальнику. В общем, к тому, что он «всех обвел вокруг пальца». Однако такая версия слишком проста для всех этих, в общем-то, весьма искушенных и отнюдь не наивных политиков, прошедших уникальную сталинскую школу.

Намного вероятнее другое: не приспособленчество Горбачева – в этом как раз он мог походить на тысячи других партфункционеров, на знаменитые сталинские «винтики» системы, – а то, что выделяло его из общей массы, заставляло обратить внимание. Одних – «стариков» – при виде молодого, горячего, напоминавшего им самих себя в молодые годы, но только более образованного, чем они, ставропольского «самородка», могла прошибить слеза умиления. Общаясь с ним, они вполне могли считать, что перед ними подрастающая надежная смена, «подлесок», как выражался Андропов, – молодая поросль энергичных и компетентных руководящих кадров, о которой они не могли не мечтать. Другие – к ним скорее всего относился и Кулаков – видели в нем возможную опору уже на ближайшую перспективу, когда должна произойти неизбежная смена поколений в руководстве партии. Вот почему даже после того, как в награду за проявленную лояльность при смещении Хрущева Кулаков был переведен Брежневым в Москву, он продолжал опекать своего питомца. И добился сначала его избрания первым секретарем горкома партии, а два года спустя – вторым секретарем Ставропольского крайкома, что выводило 37-летнего Горбачева на финишную прямую – дорогу к креслу полновластного «хозяина края» – первого секретаря крайкома.

Нельзя сказать, что на этом стремительно пройденном этапе партийной карьеры у него не было сбоев или что своим восхождением он обязан исключительно личному высокому покровительству. Горбачев не жалея сил исправно «пахал» на разных участках, куда направлял его крайком. Месил сапогами грязь в районах, объявлял ударные фронты, обеспечивал шефство то над овцеводством, то над «царицей полей» кукурузой, боролся за чистоту партийных рядов, «снимая стружку» с проштрафившихся. Словом, добросовестно и лояльно нес аппаратную службу и, как уверяет, не строил в тот момент для себя излишне амбициозных планов.

Ставрополь в бытность его секретарем горкома партии заметно преобразился: появились централизованные сети водоснабжения и канализации, оживилось жилищное строительство, открылось несколько вузов и техникумов. Был пущен троллейбус, построены плавательный бассейн и Дом книги. Вопреки действовавшим тогда нормам, расставлявшим города по опре-

деленному ранжиру в зависимости от числа жителей и общесоюзной значимости, он пробил строительство цирка на проспекте Карла Маркса, хотя Ставрополю его иметь не полагалось.

Следует заметить, что несколько раз из-за размолвок с начальством, особенно после отъезда Ф. Кулакова, прямая линия его партийной карьеры могла вильнуть в сторону.

Была пора, когда он «заскучал» в трясине аппаратной текучки и, вспомнив об университетских годах и нереализованных мечтах, решил было оставить партийную карьеру и перейти на научную работу. Засел за книжки, сдал кандидатский минимум, собрался писать диссертацию. Увлекла, видимо, мужа своим примером Раиса. К этому времени, проехав в том числе на мотоцикле с коляской и пройдя пешком по сельским дорогам не одну сотню километров и обработав более 3 тысяч опросных листов и социологических анкет, она защитила кандидатскую, посвященную особенностям быта крестьянской семьи. Систематизировать собранный материал ей помогала вся семья, которая, по воспоминаниям Ирины, в плане труда «всегда была очень организована». Опросные листы, бумажные «простыни» и таблицы были разложены на полу по всей квартире, и не только отец, но и она, восьмилетняя девчонка, ползала по полу, сортируя ответы по графам соответствующих таблиц.

Научным мечтаниям Горбачева сбыться не довелось. Став вторым секретарем крайкома, он вплотную приблизился к тому, что вполне можно назвать уже политической должностью. Впереди открывались горизонты членства в ЦК, а крепкая рука Федора Давыдовича Кулакова, к тому времени уже члена Политбюро, наряду с явным благоволением таких могущественных земляков, как Суслов и Андропов (с Юрием Владимировичем он познакомился во время его приезда в Минводы в 1969 году), прибавляли ему уверенности. Через год в Москве, не без нажима все того же Кулакова, решили, что перспективный второй секретарь созрел для самостоятельной работы. Преемник Кулакова Л. Ефремов был отозван в Москву, и Михаил Сергеевич, пройдя через смотрины в нескольких кабинетах ЦК, в апреле 1970 года перед окончательным утверждением переступил порог кабинета Генерального секретаря, еще не подозревая, что пятнадцать лет спустя станет его хозяином.

В гвардии Брежнева

Став в 39 лет одним из самых молодых руководителей крупнейшего стратегического с точки зрения вклада в экономику страны региона, – по площади Ставропольский край равняется Бельгии, Швейцарии и трем Люксембургам, вместе взятым, – Горбачев оказался в совершенно новой для себя ситуации. Степень самостоятельности, суверенности таких, как он, партийных «баронов», несмотря на теоретически сохранявшийся «присмотр» из Москвы, была весьма велика. Конечно, за первыми секретарями обкомов и крайкомов в большей степени, чем за руководителями союзных республик, правивших просто как удельные князья, приглядывало недреманное око Отдела оргпартрabоты и «карающий меч» ЦК – Комитет партийного контроля. Тем не менее функционеры, достигшие уровня первого секретаря в регионе, знали, что отныне они в касте «неприкасаемых» и что тронуть их пальцем не позволено ни прокуратуре, ни даже КГБ, а кропотливо накапливаемый на каждого из них в недрах КПК компромат может быть пущен в ход только по личному распоряжению генсека. Отсюда следовал логичный вывод: демонстрируй беззаветную личную преданность высшему начальнику и будешь иметь полную свободу рук на отданной тебе в управление территории.

В то время, когда в эту касту партийных наместников попал Горбачев, отношения Брежнева с первыми секретарями еще не были сведены к одним лишь демонстративным проявлениям раболепия с их стороны – до хора славословий в адрес автора «Малой земли», «Возрождения» и выдающегося военачальника оставался десяток лет, и отношения строились на принципах почти взаимной выгоды. Понятно, что расположение генсека было жизненно необходимо не просто для благополучия каждого секретаря, но и для его области. Однако и сам Леонид Ильич, который в начале 70-х годов, как напоминает Горбачев, еще «не был похож на карикатуру», нуждался в поддержке преданных ему лично членов ЦК в маневренной борьбе по оттеснению на второй план премьера А. Косыгина – после отстранения В. Подгорного тот оставался неуместным напоминанием о «тройке», сместившей Н. Хрущева под девизом «коллективного руководства».

Горбачева ему явно рекомендовал Кулаков – и не только как перспективного руководителя края, но и, безусловно, как гарантированное ценное пополнение отряда «брежневцев» в ЦК, на кого генсек мог спокойно положиться. Этим в значительной степени объясняется внимание Брежнева к молодому выдвиженцу, которому он уделит несколько часов неспешного разговора в кабинете на Старой площади, и доверительный тон, и явное стремление завоевать расположение собеседника, с кем он готов был, почти как с равным, обсудить все: проблемы экономики, кадровые вопросы и даже внешнюю политику. После деликатной обкатки у генсека операцию «вербовки» новичка в личную гвардию Брежнева завершил ритуал его введения в привилегированный круг первых секретарей, членов ЦК, составлявших замыкавшуюся на Кулакове «группу быстрого реагирования», которые по его сигналу должны были в случае необходимости своими выступлениями на Пленуме и критикой правительства Косыгина подкрепить позиции Брежнева. (Позднее Горбачев уже в содружестве с Лигачевым воссоздаст эту проверенную в деле формулу, когда вопрос о его собственном избрании на пост генсека будет во многом зависеть от поддержки большинства членов ЦК.) И хотя церемонию посвящения в члены этой ни для кого не секретной «группы поддержки» Михаил скомкал, отказавшись выпить залпом полный фужер водки, чем вызвал общую настороженность, он снял возникшие политические подозрения на свой счет, рассказав о доверительном разговоре с генсеком.

И все же, оказавшись на вершине карьеры, немыслимой по крайней мере в те годы для партийного функционера его возраста, Горбачев чувствовал себя неуютно. В отличие от принявших его в свой клан коллег-секретарей, он оставался человеком им в значительной степени посторонним. И не только потому, что принадлежал к другому поколению, будучи самым

молодым и недостаточно солидным, хотя уже начал потихоньку лысеть и округляться, а потому, что был заражен, «отравлен» университетом и его атмосферой, затронувшей его московской «оттепелью», – всем, что потом стало называться «шестидесятиничеством». Не только воспоминания о студенческой вольнице на Стромынке, о факультетском братстве и полузабытом римском праве тянули его в сторону от суеты партийной работы к книгам и мечтам о диссертации, но и все прочитанное, ночные споры об истинном социализме, беседы с сокровенным дружкой З. Млынаржем, домашние диспуты с Раисой о Плеханове и Канте.

Еще до того как стал первым человеком в крае, он, разъезжая по районам, видел, насколько примитивны условия жизни занятых изнурительным трудом людей. В его голове рождались «бунтарские мысли». Но, как признается сам Михаил Сергеевич, «серьезно размышлять над всем этим было недосуг – заедала текучка». Кроме того, пока он добросовестно и, надо полагать, увлеченно трудился на различных участках, всякий раз сталкиваясь с чем-то, что вызывало непонимание или протест, он делился своими чувствами в письмах Раисе (а писал он ей их регулярно, в том числе и из поездок по краю), с молодым пылом обличал «чванливость и косность безграмотной бюрократии». Но чем выше поднимался по служебным ступеням, тем больше ощущал себя одним из представителей этого «ордена начальников», и, стало быть, нерастраченное негодование следовало обращать прежде всего на себя.

Что же мог он сделать, как вести себя, не изменяя студенческому прошлому, общим с Раисой взглядам, позициям и надеждам, как не поддаться всей этой рутине, не распуститься, подобно провинциальным «вождям», и не ассимилироваться, при этом никому себя не противопоставляя и не самоизолируясь? Да и можно ли было остаться «шестидесятником» не в Москве, а в провинции, да еще если служишь власти, являешься в глазах людей ее частью и, стало быть, разделяешь с ней ответственность за то, что творится вокруг?

Неизвестно, обсуждали ли это между собой Михаил и Раиса. Известно лишь, как отзывался Михаил Сергеевич о «шестидесятниках»: «...эти люди были нацелены на перемены, на реформы, но долго не имели возможности проявить себя в деле». В свою очередь, о феномене Горбачева и его поколения Андрей Синявский в интервью французской газете *Libération* заметил следующее: «Он отличался от других тем, что попытался осуществить то, о чем они говорили и о чем мечтали». Не в этой ли его попытке воплотить в жизнь мечтания политических романтиков 60-х годов, оказавшиеся в значительной степени мифами, объяснение ревности и недоверия, которые демонстрировали по отношению к перестройке некоторые диссиденты?

Горбачев не был обречен, как московские интеллектуалы 60–70-х годов, среди которых были и его однокурсники, давать выход эмоциям на кухнях, накрывать телефон подушкой, бессильно проклинать КГБ и жаловаться на цензуру. В ранге первого лица в крае он уже мог многое сделать. Выше него были только генсек и Господь Бог, да еще, пожалуй, Система, в те годы еще более неприкосновенная, чем сам Господь. Мог ли что-то реально предпринять, не касаясь Системы, даже самый первый секретарь? Оказалось, мог, и немало. Для начала постараться не менять уже давно сложившийся уклад частной жизни, вести себя вне зависимости от занимаемой должности. Для семьи Горбачевых это было несложно. За годы совместной жизни выработались привычки, которыми они дорожили и не стали бы ими жертвовать ни при каких служебных переменах, в том числе традиционный разбор событий дня и обсуждение прочитанного.

Имея служебную машину, он продолжал ходить на работу пешком. И жители города привычно подкарауливали его по дороге, чтобы обратиться напрямую с той или иной просьбой, – это была его уличная приемная. Раиса большую часть из 23 лет, прожитых в Ставрополе, избегала обкомовский «распределитель», предпочитая ходить в обычные магазины. Дочку Ирину по решению семейного совета принципиально определили не в единственную в городе английскую спецшколу, где учились все дети начальства, а в самую рядовую. Вопрос, подвозить ее в школу или нет на служебном автомобиле, даже не обсуждался: это считалось неприличным.

Конечно, на фоне утвердившихся привычек партийной знати в эпоху позднего брежневизма, это, в общем-то, естественное по меркам семьи Горбачева поведение многими воспринималось как вызов, проявление демонстративной гордыни, а может, и на самом деле было вызовом. Формой сопротивления узаконенному партийному барству, способом выделиться из остальной номенклатуры, сохранить свое собственное лицо. По словам Ирины, мама и в Ставрополе, и в Москве принципиально не посещала ни спецмагазины, ни ателье, в связи с чем ответственность за обновление ее гардероба приходилось разделять с ней много разъезжавшему отцу, вкусу которого Раиса доверяла.

Щепетильность Раисы в материальных вопросах, помноженная на педантизм, не позволяла ей с молодых лет иметь даже самый незначительный долг, и она хранила в личном архиве квитанции за оплату всех продовольственных «заказов» из обкомовской столовой. В Москве супруга генсека-президента с такой же тщательностью следила за сдачей в Гохран подарков, вручавшихся Горбачевым во время официальных визитов за границу, а после отставки мужа добивалась, чтобы ей отдали на руки расписки за них. К этому ее, надо думать, подтолкнули намеки Ельцина после путча на то, что Горбачеву следовало бы самому покаяться в прегрешениях, и ее опасения, что их обоих могут заподозрить в присвоении какого-то государственного имущества.

Но если за стилем и образом поведения семьи, как, впрочем, и за обликом мужа, обязанным, по ее убеждению, выглядеть всегда подтянутым и модно одетым, следила Раиса, то другую, главную часть их общих представлений о том, как хоть в чем-то изменить окружавший их провинциальный мир, приходилось, естественно, реализовать Горбачеву.

Москва была за горами, Брежнев и его окружение еще не одряхлели и казались вечными, а неумная энергия Горбачева требовала немедленного выхода. Стратегия стайера, рассчитывающего свои силы и график бега на длинную дистанцию, тогда еще ему была чуждой. «Будет день, будет и пища» для размышлений и повод для принятия решений – таким, по крайней мере, в те годы было его жизненное кредо. Особенность его официального положения добавляла к ней только одно – в статусе комсомольского вожака и функционера среднего партийного звена он почти ежедневно получал от руководства «утреннее задание», а теперь должен был придумывать и раздавать их сам. Благо поставленная перед ним задача определялась аграрной спецификой Ставрополя и его неустойчивыми климатическими условиями. К этому времени практика спускаемых из Центра директив миновала, и Горбачеву предстояло «выводить край в передовые», опираясь на собственные силы и фантазию.

За дело он взялся энергично, ведь еще Ф. Кулаков отмечал в нем «способность проламываться через стену». Занялся мелиорацией земель, добился строительства Большого ставропольского канала, зачисленного в том числе благодаря напору секретаря в разряд ударных комсомольскихстроек. Развернул газификацию, объявил свою первую «большую перестройку» – так патетически называлась программа интенсивного развития овцеводства на Ставрополье. Увлёкся сам и увлек других «ипатовским методом» подрядной уборки урожая, основанным на прямой материальной заинтересованности колхозников в конечном результате труда.

Попала в поле зрения Горбачева и такая прибыльная для края отрасль, как виноделие, – по решению крайкома началось расширение посадок виноградников и увеличение производства не только столового винограда, но и марочных вин. Мог ли он предполагать, что через десяток лет, согласно другому партийному решению и тоже по его инициативе, эти виноградники будут вырубаться, а ставропольское виноделие угодит под каток антиалкогольной кампании? Оставайся он к тому моменту на посту секретаря крайкома и ослушайся, – выговор, а то и освобождение от работы за отклонение от генеральной линии партии были бы обеспечены.

«Пробивать различные стены» приходилось каждодневно. При этом главными рычагами воздействия на экономику для него, как и для любого областного секретаря, служили партийное администрирование на местах и борьба за получение дополнительных субсидий из Цен-

тра. Этим инструментарием ставропольский секретарь научился пользоваться мастерски: так, чтобы добиться выплаты повышенных премиальных, заработанных «ипатовцами», приходилось принимать специальные решения крайкома партии. В засушливый год, когда поголовье скота оказалось под угрозой из-за нехватки кормов, на их заготовку мобилизовались горожане. Здесь были и школьники, удавалось подключить и отдыхающих из многочисленных санаториев и домов отдыха Ставрополя. Надо сказать, что эти нескончаемые битвы «за урожай», «за поголовье скота», за «птицепром» велись, по сути, не против неблагоприятных климатических условий, а против всепогодной Системы, и Горбачеву на своем участке фронта нередко удавалось осуществлять прорывы.

Вообще он был «везунчиком», недаром изумил Дж. Буша, когда в его загородной резиденции в Кэмп-Дэвиде, никогда, разумеется, не тренировавшись в этом излюбленном развлечении американского президента, метнув подкову, с первого раза насадил ее на штырь. Иногда помогала его энергия, иногда выручал Господь Бог – в тот самый засушливый год в конце концов пошли спасительные дожди. Чаше выручали налаженные связи с московским начальством. От прямых контактов с ним, от «вхожести» в цеховские и правительственные кабинеты зависели, естественно, все местные партийные руководители – каждый пользовался доступным ему способом, чтобы зазвать, заманить к себе кого-нибудь из членов Политбюро, а если повезет, то и генсека, и добиться поддержки. В ход шли земляческие связи, круглые даты основания городов, другие юбилеи, церемонии награждения республик и областей орденами и переходящими Красными знаменами.

Горбачеву эта козырная для советской системы карта сама шла в руки. К нему в Ставрополь на курорты Минвод и в горный Домбай начальство ездило куда чаще, чем, скажем, к Лигачеву в Томск или к Ельцину в Свердловск, не говоря уже о Богом забытых вятках или норильчанах. Конкурентами Горбачева по приему и обслуживанию отдыхающих руководителей были крымчане, и в особенности его главный сосед-соперник, секретарь Краснодарского крайкома С. Медунов, на чьей территории располагались здравницы Сочи. Политической «рентой», которую ему приносило Черноморское побережье, он пользовался сполна. Через его застолья, банкеты, бани проходила регулярно значительная часть высшего партийного и государственного аппарата (с семьями), покидавшая Краснодарский край с щедрыми подарками, создавая гостеприимному секретарю, хозяйствовавшему в нем, как на своем подворье, прочный защитный слой, оберегавший его от партийных расследований и уголовных дел.

Контингент, гостивший у Горбачева, был другим – на Минводы люди ехали не для загулов, а для лечения, и по мере того, как члены Политбюро старели, они, их свита и разномастные министры все чаще оказывались на его территории. И если благодаря своим разнообразным починам и экономическим экспериментам Горбачев вошел в число перспективных местных руководителей, то личным контактом с такими ключевыми фигурами тогдашней политической иерархии, как М. Суслов, А. Косыгин, Д. Устинов, Ю. Андропов, Н. Байбаков, он во многом обязан Минеральным Водам и Домбаю (где любил отдыхать Председатель Совета министров А. Косыгин).

На отдыхе, освобождаясь от своих кабинетов, приемных, «ЗИЛов» и неприступных секретарей, эти люди буквально и психологически «переодевались» в гражданское платье, становились доступнее и охотно выходили за рамки протокольного общения. Возможность неофициальных и даже душевных бесед с начальством облегчало и то, что слабеющие и в разной степени больные люди не ждали от него, как гости краснодарского коллеги, разгульных попок и банных утех с ласковыми комсомольскими активистками, а стремились отвлечься от будней, надоевших им за долгую государственную жизнь, и порассуждать об отвлеченном. И сам Михаил, и Раиса в этом плане были для них идеальными собеседниками. И хотя Раиса Максимовна в мемуарах вспоминает о приеме московских начальников в Ставрополе как об обременительной повинности, замечая, что для семьи оказывать это гостеприимство «было

накладно», именно с той поры Горбачевы со многими крупными деятелями позднережневского режима были знакомы и даже «дружны семьями».

В присутствии молодой образованной четы эти люди, в сущности лишенные большую часть своей жизни нормального человеческого общения, «снимали галстуки», «мягчили», открываясь давно забытыми либо попросту неизвестными окружающим сторонами своей натуры. Так Горбачевы узнали, что Юрий Владимирович Андропов не только пишет стихи, но и помнит огромное количество казачьих песен, любит их петь сам, а «сухарь» Косыгин даже в пожилом возрасте прекрасно танцует фокстрот и танго. Во время одной из бесед Алексей Николаевич «со слезами на глазах» рассказал Михаилу: он не может простить себе, что для того, чтобы показаться вместе с остальным советским руководством 7 ноября на трибуне Мавзолея, отлучился от тяжелобольной жены, лежавшей в больнице. Она умерла в его отсутствие.

Если для «московских руководителей», позволявших себе расслабиться перед молодым секретарем, это общение было душевным отдыхом, то для Горбачева, разумеется, оно оставалось работой. «Византизм в те годы, – вспоминает А.Н. Яковлев, – утвердилось как способ даже не вершить политику, а просто выживать в номенклатуре». Жесткие рамки партийной карьеры, в которые он был отныне заключен, требовали от него не только развлекать старших товарищей и выслушивать их откровения, но и бить на публике ритуальные поклоны и перед руководством в целом, и перед его представителями. Нетрудно, конечно, процитировать образцы его тогдашних славословий и в адрес М. Суслова, приехавшего в Ставрополь вручать городу орден по случаю 200-летия, и «дорогого Леонида Ильича» в эпоху безудержного восхваления его литературных шедевров. Перечитывая эти тексты сегодня, отметим справедливости ради, что в обязательной тогда, вдохновенной лести Горбачев хотя бы не стремился превзойти остальных своих коллег, в частности, из Закавказских республик.

И хотя, надо полагать, Горбачев не придавал этой словесной трескотне серьезного значения, воспринимая ее как досадную, но и неизбежную повинность, в глубине души у него, как у нормального человека, накапливалось раздражение из-за того, что, в отличие от большинства, обреченного всего лишь слушать заведомый вздор, он должен был сам активно разыгрывать этот дурной спектакль. Учитывая настроения в его собственной семье, – по свидетельству Ирины, «дома царил дух неприятия всей этой затхлости и понимания абсурда сложившегося порядка», – участие в этом «лицедействе» даже для такого прирожденного актера, как Горбачев, становилось все более тягостным.

Между тем какой-либо реальной перспективы выхода в нормальный мир, «на свежий воздух», тогда еще не предвиделось. «Реальный социализм», казалось, ввел в действие собственные законы природы и стал государственной религией со своими обязательными ритуалами. Как и у любой религии, они предполагали не только молитвы и восхваления Господа (Системы и ее заместителей на земле), но и обличение (и разоблачение) еретиков. Михаил Сергеевич не боится вспоминать, что вскоре после Пражской весны 1968 года, когда в стране началось закручивание гаек, он, будучи еще вторым секретарем крайкома, принял участие в экзекуции одного из ставропольских «диссидентов» – доцента Ф. Садыкова, осмелившегося по примеру чехословацких «ревизионистов» (тогда он, надо думать, себя к ревизионистам не причислял) выступить со своими «рецептами» усовершенствования режима. «Мы его тогда разделили под орех», – говорит Горбачев, признавая, что впоследствии при воспоминании о бедном Садыкове, который озвучил многие идеи будущей перестройки, его «мучила совесть».

Не эта ли «большая совесть» стала в конечном счете главным внутренним изъяном образцового во всех остальных отношениях первого секретаря крайкома, тем сбоем в его генетическом коде, который развился позднее в неизлечимую болезнь ереси? Но в ставропольские годы если ее вирус и присутствовал в организме Горбачева, то еще дремал, не давая о себе знать. Требовались особые дополнительные условия, чтобы он пробудился. К таковым можно отнести первые зарубежные поездки Михаила и Раисы.

Открытие внешнего, не советского мира, существование иной, вневосталинской вселенной для него, как и для многих его сверстников, произошло в год проведения в Москве Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Летом 1957-го Михаил, как и сотни комсомольских активистов со всей страны, был мобилизован для шефства над съехавшимися в столицу представителями «прогрессивной молодежи планеты». На его долю выпала непростая обязанность обеспечивать участие в программе фестиваля разномастной, буйной и беспорядочной итальянской делегации, имевшей весьма специфическое представление о регламенте, дисциплине и времени вообще. Горбачеву, привыкшему со школы прилюдно отчитывать несознательных комсомольцев за опоздания на мероприятия, итальянцы преподали, наверное, первый урок политического плюрализма.

В свои собственные зарубежные экспедиции он отправился, уже став комсомольским функционером. Первые поездки, как тогда было заведено, состоялись в соцлагерь: ГДР, Болгарию. Эти выезды в «братские государства», где советских товарищей принимали как «старших братьев», вряд ли внесли что-то существенное в его «политическое развитие». Программы многих таких вояжей с обязательным посещением предприятий и пылкими тостами за дружбу напоминали сцены из «Кубанских казаков» – сам ставропольский казак Горбачев еще в университетские годы разъяснял своему другу Зденеку Млынаржу всю фальшь этого кинофильма.

Зато первые выезды в составе партийных делегаций на Запад – во Францию, Италию, Бельгию, ФРГ – стали для Михаила и сопровождавшей его «на отдых и лечение» Раисы настоящим выходом в открытый зарубежный космос. Горбачеву предстояло сделать как минимум два принципиальных открытия. Первое: как выяснилось, советские люди жили далеко не в самом лучшем из миров, в чем их усердно уверяла партийная пропаганда. Не только эксплуататоры, наживавшиеся, как им и положено, за счет трудящихся, но и сами эксплуатируемые, радушно принимавшие посланцев родины социализма, жили и трудились в таких условиях, о которых классу-гегемону в СССР приходилось только мечтать. Вторым, не менее важным откровением стало то, что империалистическое окружение, вынуждавшее наших людей отказывать себе в самом необходимом ради обеспечения безопасности державы, при ближайшем рассмотрении оказалось не только не слишком враждебным, но подчас и весьма дружественным. Во всяком случае, получив возможность благодаря гостеприимству французских коммунистов проехать на предоставленном им «Рено» несколько сот километров от Парижа до Марселя, Горбачевы смогли оценить не только красоты Франции, но и обращенную к ним доброжелательность людей и непривычную для выходцев из суровой советской реальности непринужденно-раскованную атмосферу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.